

оттиск из журнала: Былое. 1918. № 1. На л. 2 — дарственная надпись Б. Л. Модзалевского чернилами <между 11 и 24 апреля?> 1918 г.: «Николаю Осиповичу Лернеру на память от автора один из 15 экземпляров».

43. Ф. 341, № 884. Дневник Пушкина: 1833—1835 / Под ред. и с объяснительными примеч. Б. Л. Модзалевского; ст. П. Е. Щеголева. М.—Пг., 1923. На л. 2 — дарственная надпись Б. Л. Модзалевского чернилами <1923 г.?>: «Николаю Николаевичу Кузнецову в знак искренней приязни от редактора».
44. Ф. 430, № 256. Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927. (Труды Пушкинского Дома. Вып. XLVIII). На л. 2 — дарственная надпись Б. Л. Модзалевского чернилами: «Многоуважаемому Николаю Осиповичу Лернеру от Б. Модзалевского. 10 дек. 1927».

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ШУТОЧНЫЙ ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ Е. Г. ЭТКИНДА

В 1937 году второкурсник филологического факультета Ленинградского университета Ефим Эткинд (1918—1999) становится свидетелем поистине общегосударственных пушкинских торжеств: в Ленинграде проходят многотысячные митинги, организуются концерты, проводятся торжественные заседания. Впервые в промышленных масштабах налажено производство пушкинских календарей, бюстов, разнообразных сувениров.

100-летний юбилей со дня кончины А. С. Пушкина вдохновил Ефима Григорьевича Эткинда на сочинение шуточной пьесы, в которой поэт оказывается в советском Ленинграде и становится свидетелем нарождающегося культа собственной личности. Бесконечно множась бюсты Пушкина буквально сводят поэта с ума. Вся эта фантазмагория не так уж юмористична, неслучайно в тексте пьесы возникает цитата из стихотворения «Не дай мне бог сойти с ума...».

Некоторые элементы этой не озаглавленной Е. Эткиндром пьесы напоминают сценки Д. Хармса, например «Пушкин и Гоголь». Но финал, в котором Пушкин не «спотыкается и падает» (как у Хармса), а *выбрасывается* из окна, трагичен и опять-таки снимает кажущуюся легкость этого юношеского сочинения будущего выдающегося ученого. Этот финал второй сцены ставит вопрос о завершенности текста. Хотя в рукописи обозначена ненаписанная третья сцена, однако такого рода декларация могла быть лишь художественным приемом «закольцованного» финала. Впрочем, не исключены и иные варианты развития сюжета: Пушкин на том свете (ср. «Теркин на том свете» А. Т. Твардовского) или пьеса о Пушкине без самого Пушкина («Последние дни» М. А. Булгакова).

Текст Е. Эткинда наполнен пушкинскими цитатами, их соединение, столкновение рождает любопытный и определенно новатор-

ский для своего времени центонный эффект. Эпиграф, взятый из черновиков Пушкина («Расходились по поганскому граду...»), придает тексту более чем серьезное настроение присутствия нечистой силы. В семантику слова «поганский» входят значения «языческий», «идолопоклоннический», что, возможно, свидетельствует о критическом отношении автора публикуемой пьесы к чрезмерно насаждаемому сверху пушкинскому культу, выражающемуся в столь пошлых («бюсты») массовых формах.

Знаменательно, что пушкиниана Ефима Эткинда открывается этим (пусть и не законченным) произведением, в котором благоговейное почтение (естественное для всякого рода юбилеев и чествований) переходит границы и стремится к фантастическому гротеску. Такой свободный подход к имени и творчеству поэта будет характерен для исследовательского взгляда зрелого Эткинда — маститого филолога, — когда начнут появляться его пушкиноведческие труды.

До эмиграции, помимо интереса к Пушкину-переводчику¹ (изучение переводов стало главной темой Эткинда в 1950—1960-е гг.), у ученого было не много работ по творчеству поэта.² В год, когда Эткинд был изгнан из страны, готовилась к печати принципиальная для исследователя работа о стихотворении «Полководец», в которой была предпринята попытка высказывания не только о поэтике Пушкина, но и о его общественно-политических взглядах. Понятно, что разговор на такую щекотливую, грозящую опасными «аллюзиями» на современность тему был в то время нежелательным,³ и статья «Стихотворение Пушкина “Полководец”: (Опыт интерпретации)» (1973—1974), появилась два года спустя уже в зарубежном издании.⁴

Поселившись во Франции, Е. Г. Эткинд много пишет о Пушкине⁵ — венцом всех этих штудий стала фундаментальная монография, вышедшая в год смерти ученого: «Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции» (1999). Так завершился

¹ См. об этом: *Вольперт Л. Е. Г. Эткинд — исследователь поэзии Пушкина // Slavic Almanach (Pretoria). 2000. Vol. 6, № 9. С. 7—14.*

² См. статьи: *Эткинд Е. 1) Поучительный опыт: Четыре варианта стихотворного послания А. С. Пушкина к П. А. Плетневу // Вопросы литературы. 1963. № 6. С. 175—178; 2) Пушкин-эпиграмматист // Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 24—41.*

³ См.: *Лушаков П. Вокруг пушкинского «Полководца»: К истории статьи Е. Г. Эткинда (1974) // Новое литературное обозрение. 2025 (в печати).*

⁴ *Эткинд Е. Стихотворение Пушкина «Полководец»: (Опыт интерпретации) // Россия = Russia. 1975. № 2. С. 163—186.*

⁵ См. его наиболее значимые статьи в изд.: *Ефим Григорьевич Эткинд: Материалы к библиографии. СПб., 1999 (по указателю имен).*

более чем шестидесятилетний путь Эткинда-пушкиниста, начатый неозаглавленной «пьесой» о поэте.

Текст печатается (с любезного разрешения супруги ученого Elke Liebs-Etkind) по оригиналу (рукопись), хранящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Благодарю А. П. Дмитриева (ИРЛИ РАН) за помощь в подготовке публикации.

*

Расходились по поганскому граду,
Разломали темную темницу...⁶

Действие I
Картина I

*Петербург. Нева. Медный всадник.
Чинно проходит хор;
перед памятником Петру становится в кружок
и — дружно:*

Х о р:

Благодаря жестоким спорам
Поэта социальный лик
Перед пытливым нашим взором
Теперь отчетливо возник!
Как доказал уже Кирпотин,⁷
Конечно — Пушкин был народен,

⁶ «...Записи отдельных строк из народных песен с разметками краткости и долготы (т. е. точнее — ударных и неударных слогов) часто встречается в рукописях Пушкина. Так, на письме Плетнева от 18 июля 1825 г. так же нотирован стих:

Не курится там огонек малешенек.

На разорванном черновике стихотворения “Я помню чудное мгновенье” есть запись:

Расходились по поганскому граду
Разломали темную темницу.

Все это — попытки уловить ритм русского народного стиха, и все они имели для Пушкина практическое творческое значение» (Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 274; 277).

⁷ Валерий Яковлевич Кирпотин (1898—1997) — литературовед, автор книги «Наследие Пушкина и коммунизм» (1937).

Хотя Благой⁸ и был бы рад,
Чтоб стал поэт — аристократ.
Теперь мы знаем: он жестоко
Самодержавье обличал
И на крестьянство обращал
Свое недреманное око.
А нынче на носу, ей-ей,
Его столетний юбилей.

З а п е в а л а:

В анализ не вдаваясь строгий,
Давайте подведем итоги.

Х о р:

Ну что ж, читать о нем доклады
Всегда мы очень,
Очень рады!!

*(Стремительным вихрем уносятся подводить итоги.
Сцена быстро темнеет. Луна ярче. Входит Пушкин.
Плащ. В руке — шляпа)*

П у ш к и н:

Дождусь-ка ночи здесь. Ах, почему
Достиг я этой набережной. Скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Где я страдал, где я любил,
Где (что-то) я благословил,
Прикрывши нос плащом, а брови шляпой.

(Петру)

Как думаешь, узнают ли меня?

С т а т у я
(загробно):

Да, в Ленинграде вас и не узнать!
Таких как вы — такая бездна!

⁸ Дмитрий Дмитриевич Благой (1893—1984) — историк литературы, автор книги «Социология творчества Пушкина» (2-е изд. 1931).

Пушкин:

Шутишь?⁹

Статуя:

Зачем шутить? Зайдите в магазин
Ну, скажем, книжный, или обувной
На двадцать пятом Октябре.¹⁰ При виде...
Вы никогда... Да что распространяться!
Надвиньте глубже шляпу и ступайте
До дома книги.¹¹ Там, в одном отделе,
Увидите Вы бюсты и портреты,
Которые похожи друг на друга,
Как я похож на бывшего царя, —
(Хотя на всех одна и та же надпись).

*(Пушкин в тревоге удаляется. Музыка зловецки замирает —
и вдруг разражается громовой увертюрой)*

Сцена II

Пушкины 1, 2, 3 (бюсты), Пушкины 1', 2', 3' (портреты)

*(Сначала все тихо. Потом тот Пушкин, что полулежал
на кушетке, восторженно уставив взоры в небо, зашевелился
и слегка привстал. Входит Пушкин. Снова все тихо.)*

⁹ Ср.:

Дон Гуан

Дождется ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита! скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шляпой.
Как думаешь? узнать меня нельзя?

Лепорелло

Да! Дон Гуана мудроно признать!
Таких, как он, такая бездна!

Дон Гуан

Шутишь?

(«Каменный гость»; АПСС. Т. 7. С. 135)

¹⁰ Проспект 25 Октября — советское (1918—1944) название Невского проспекта.

¹¹ Упоминание Дома книги, открытого в 1938 году, косвенно указывает на время написания текста Е. Эткинда.

Пушкин

*(В молчании подходит к портрету «Аранг-утанг»,
долго смотрит и — с горькой иронией)*

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрасть важных аонид.¹²

*(С досадой отворачивается, смотрит с ужасом
на бюст, изображающий Пушкина с двумя уральскими
хребтами на щеках)*

Неужели я — похож на бюст?
Я — так же холоден и пуст?
(Кидается к другому бюсту)

Б ю с т
(злобно):

Напрасно видишь тут ошибку.
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку
И гнев на хладный лоск чела.¹³

Пушкин

*(В ужасе отпрянул в сторону, отвернулся, но —
лицом к лицу с другим бюстом.)*

Б ю с т

Все кончено. Дрожишь ли ты, поэт?

¹² Ср.: Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.

(«Кипренскому»; III, 63)

¹³ Ср.: Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.

(«К бюсту завоевателя»; III, 206)

Пушкин
(падая на колени)

Да.

(Кричит)

Вот беда: сойти с ума
И страшен будешь, как чума
Как раз тебя запрут.
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку, как зверька,
Дразнить тебя придут!¹⁴

Бюсты
(хором)

О чем бренчит, чему нас учит,
Зачем сердца, волнуясь, мучит?

Пушкин

Ох, тяжело! Дай дух переведу!

(Переводит дух. Потом, к 1 портрету)

Зачем твой мерзкий карандаш
Рисует мой арапский профиль?

(С иронией)

Ведь ты — векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.¹⁵

(В ужасе оглядывается.)

¹⁴ Ср.: Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

(«Не дай мне бог сойти с ума...»; III, 322—323)

¹⁵ Ср.: Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

(«To Dawe, Esqr.»; III, 101)

О Боже, Боже! Эти рожи
И друг на друга не похожи!

(Грохот. В дверь врывается хор)

Х о р

(после немой сцены — все застыли в удивлении)

О Пушкин, ты? Тебя ли вижу я
Здесь, в Доме Книг, под сенью тихой ночи?¹⁶
Откуда ты, прелестное дитя¹⁷?

*(Пушкин выхватывает кинжал.
Все расступаются.
Он выбрасывается в окно)*

Сцена III
Декорация I сцены

¹⁶ Ср. со словами Самозванца:

Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?

(«Борис Годунов»; АПСС. Т. 7. С. 54)

¹⁷ Ср.: Играй, прелестное дитя,

Ле<тай> за бабочкой летучей...

(«Играй, прелестное дитя...»; АПСС. Т. 3, кн. 1. С. 122)